

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Е.В. ПРУЦКОВА

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ В ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается вопрос о факторах, определяющих межстрановые различия в силе связи между религиозностью населения и ее следствиями в ценностно-нормативной сфере. Анализ проводится на базе Европейского исследования ценностей (2008). Рассматривается вопрос о роли первичной религиозной социализации как характеристики социальной среды, определяющей характер указанной взаимосвязи. Обосновывается тезис о важности феномена согласованности индивидуальной религиозности.

Ключевые слова: Религиозность, религиозная социализация, согласованность религиозности, Европейское исследование ценностей.

Введение

Перед современной социологией религии в России и других странах постсоциалистического пространства стоит довольно значительная проблема, которая состоит в том, что применение привычных

Пруцкова Елена Викторовна — преподаватель кафедры Философии религии и религиозных аспектов культуры Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), ассоциированный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).

Электронная почта: evprutskova@gmail.com

Работа выполнена в рамках научного проекта «Исследовательский семинар “Социология религии”» ПСТГУ в 2013 году. В данной работе использованы также результаты проекта «Личная активность в системе ценностей: межстрановые сопоставления», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году. Автор выражает благодарность В.С. Магуну за ценные комментарии при подготовке статьи.

количественных социологических подходов для изучения влияния индивидуальной религиозности на практики и ценности населения практически не дает ответа на вопрос о том, в чем заключается это влияние. В рамках большинства российских массовых социологических опросов фиксируется, что религиозность населения не оказывает или оказывает лишь очень слабое влияние на ценности и поведение вне религиозного контекста. Одно из объяснений подобного феномена, предлагаемое одним из наиболее развитых в социологии религии направлений — теорией секуляризации, состоит в том, что, с одной стороны, происходит дифференциация различных сфер общества, в том числе и религии, которая формирует отдельную сферу и перестает оказывать влияние на иные сферы, с другой — происходит «приватизация религии»: она уходит из общественной жизни в сферу жизни частной (приватной). Другое объяснение, предлагаемое современной социологией религии, состоит в том, что религия продолжает оказывать существенное влияние, но группа «действительно религиозных» / «воцерковленных» людей столь мала, что это влияние невозможно зафиксировать в рамках массовых опросов (в силу своей малочисленности представители данной группы практически не попадают в выборки массовых социологических опросов).

В настоящее время данный вопрос приобретает ключевое значение и в западной социологии религии, что, например, нашло отражение в статье М. Чавеса [9], посвященной чрезвычайно широко распространенной в исследованиях религии проблеме ошибочного представления о согласованности феномена религиозности (*religious congruence fallacy*). Суть этих представлений в следующем: во-первых, ошибочное представление о том, что религиозные верования и ценности индивида представляют собой логичную, последовательную систему, во-вторых, что поведение людей напрямую следует из этих верований и ценностей, и, в-третьих — что эти верования и ценности стабильны во времени и не зависят от ситуации, контекста, в котором они проявляются [9, p. 2].

Остается открытым вопрос: каковы причины наблюдаемого в большинстве постсоциалистических стран слабого влияния религии на ценностно-нормативную сферу? Что представляет собой данное явление? Из этих вопросов вытекает и следующий: каковы возможные перспективы? Должны ли мы ожидать усиления влияния религии на жизнь общества в постсоциалистических странах или же, наоборот, ослабления влияния в тех странах / регионах, где оно пока еще остается существенным? Какие факторы и социальные механизмы могут отвечать за данный процесс?

Далее мы попытаемся развернуть тезис о важности феномена несогласованности и взаимосвязи различных ее проявлений, а также

ответить на вопрос о причинах высокой несогласованности индивидуальной религиозности и ее ценностно-нормативных следствий в постсоциалистических странах, где вследствие форсированной секуляризации долгое время не функционировал основной социальный механизм, определяющий формирование религиозных ценностей, а именно — религиозная социализация.

В качестве информационной базы данной работы выступает Европейское исследование ценностей (EVS — European Values Study¹) 2008 г. Данные этого международного сравнительного исследования включают в себя информацию по большинству стран Европы (46 стран, 48 регионов).

Операционализация понятия «религиозность» и проблема согласованности

Религиозность мы рассматриваем как иерархически организованный и многомерный феномен. В рамках иерархического подхода выделяются два уровня анализа: общая религиозность и частные проявления (диспозиционная и функциональная религиозность). В рамках многомерного подхода религиозность рассматривается как некоторая целостная система, которую возможно оценить посредством разложения на несколько осей, или измерений (не всегда ортогональных).

Необходимо отметить, что выделение в религии нескольких компонентов уходит корнями в работы классиков социологии (так, религия, по Э. Дюркгейму, состоит из верований и ритуалов [11]). Однако более детально именно с методической точки зрения данный вопрос начинает рассматриваться лишь в середине XX века. Среди основоположников многомерного подхода к изучению религии и религиозности выделяются Ч. Глок [15], Дж. Фолкнер и Г. де Йонг [12], Г. Олпорт [7] и др. В российской традиции изучения религиозности часто используется понятие «воцерковленность», примером может служить «В-индекс» В.Ф. Чесноковой, также составляемый на основе нескольких измерений религиозности [4; 6].

Одним из основных авторов, с обсуждения статьи которого в обществе социологов, занимавшихся темой религии, началась активная дискуссия относительно способов операционализации понятия индивидуальной религиозности, является Ч. Глок. В статье 1962 года [15] он проблематизирует применявшиеся ранее операциональные определения религиозности и выделяет пять измерений, которые, по его мнению, позволяют описать религию в ее полноте: 1) опытное

¹ URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (30.12.2010). Доступ к данным: European Values Study: GESIS. URL: <http://www.gesis.org/en/services/data/survey-data/european-values-study/> (30.12.2010).

(experiential) измерение — субъективный эмоциональный религиозный опыт; 2) ритуалистическое (ritualistic) — участие в религиозных практиках, действиях, ритуалах; 3) идеологическое (ideological) — принятие определенной системы верований; 4) интеллектуальное (intellectual) — знания о вере, информированность; 5) измерение последствий (consequential) — последствия, результаты, влияние предыдущих четырех проявлений религии на ценности и поведение вне религиозного контекста.

Измерение последствий в составе основных измерений религиозности вызвало наиболее значительную критику. Так, например, Ё. Фукуяма² отказывается от измерения «последствий» как части религиозности: «Данная концептуализация религиозной ориентации не включает то, что Глок называет измерением “последствий”, то, что люди делают в результате своих религиозных верований, чувств и практик. Это означает не то, что последствия религии не имеют отношения к делу, а скорее то, что они не входят в состав основных компонентов религиозности сами по себе» [14, р. 156]. Дж. Фихтер также критикует предложенную Глоком шкалу последствий, поскольку считает ее логически избыточной: «Независимо от того, трудно или легко операционализируемо измерение последствий, оно логически избыточно. Все, что измеряемо в категории религиозного поведения, является проявлением, выражением либо последствием религиозности. ... Вера, отношение и поведение христианина могут быть проявлены и измерены, поскольку являются следствием того, что он является христианином» [13, р. 172]. В книге 1968 г. и сам автор (в соавторстве с Р. Старком) отказывается от использования этого измерения, поскольку по своей природе оно отличается от первых четырех: «не до конца ясно, в какой степени религиозные последствия являются *частью* религиозной приверженности или же просто *следуют из нее*» [16, р. 16].

Можно выделить несколько основных сфер, на нормы, ценности и установки в которых влияет религия, основные из них — это: труд, семья и представления о гендерном распределении ролей, экзистенциальные вопросы. Так, например, достаточно хорошо изучено влияние религии на трудовые ценности и этику — начиная от классической работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», породившей значительную традицию изучения связи религии и ценностей в сфере труда, и заканчивая современными российскими работами И. Забаева [1], М. Снеговой [5] и др. Влияние религиозности на

² Ё. Фукуяма дополнил когнитивным измерением (знания о религии) четырехчастную систему показателей, предложенную Ч. Глоком в статье 1959 г.; в более известной статье 1962 г. Глок использовал этот показатель, назвав его «интеллектуальным измерением».

базовые ценности рассматривают Ж. Билье и Б. Мюллеман [8]. Вопросы связи между религией и трудовыми, а также моральными ценностями касаются Р. Инглхарт и П. Норрис [18].

В рамках данной работы исследуется одна из ценностно-нормативных сфер, в которой можно ожидать, что нормы поведения будут особенно жестко предписываться религией, а девиации — особенно резко осуждаться, а именно сфера сексуальности, семьи и экзистенциальных вопросов.

Мы рассматриваем толерантность к тем формам поведения, которые представляют собой девиации от предписываемых разными религиями норм — к самоубийству, эвтаназии, аборту, разводу, случайным сексуальным связям, гомосексуализму, проституции. Для дальнейшего исследования мы объединяем указанные переменные при помощи факторного анализа, поскольку отношение к каждому из указанных вопросов в значительной мере коррелирует со всеми остальными и образует внутренне согласованный феномен (альфа Кронбаха 0,85). Один фактор объясняет 53% дисперсии, при этом все указанные переменные вносят приблизительно равный вклад в его формирование. Более высокие значения фактора соответствуют более толерантному отношению к нарушению предписываемых религией социальных норм. Использование обобщенного показателя толерантности позволяет нам снизить влияние систематических смещений в некоторых странах, вызванных специфическим отношением к одному или нескольким из указанных вопросов, которое может быть обусловлено, например, культурными и историческими особенностями некоторых стран, наличием общественных движений соответствующей направленности, освещением указанных вопросов в СМИ и другими факторами.

Сегментация населения европейских стран по степени религиозности

Вопрос о том, как соотносятся личная религиозность человека и ее ценностно-нормативные и поведенческие следствия, оказывается неоднозначным с самого начала. Однако помимо этого проблематичным оказывается и вопрос о взаимоотношении других показателей религиозности — должны ли они быть в значительной степени связаны друг с другом, или могут быть независимыми? В частности, высокая религиозность по одному из них (например знание) может не влечь с необходимостью высокой религиозности, измеренной при помощи другого показателя (например посещение церковных служб). Ч. Глок считал теоретически возможным, что некоторые из указанных измерений религиозности в значительной степени самостоятельны, однако «маловероятно, что различные проявления религиозности полностью независимы друг от друга» [15, р. 99-100]. Результаты

эмпирических исследований показали, что между различными измерениями религиозности может быть зафиксирована статистически значимая связь, однако она не настолько сильна, чтобы можно было свести все многообразие проявлений религиозности к одному показателю [12; 16].

В данной работе, операционализируется понятие религиозности, мы опираемся на различие в данном феномене двух уровней: диспозиционной и функциональной религиозности, которое было предложено П. Хиллом [17]. Хилл использует для построения классификации мер религиозности иерархический подход и выделяет два уровня измерения религиозности: общий уровень («диспозиционная религиозность») и частные проявления («функциональная религиозность»). То, что обозначается как диспозиционная религиозность — это показатели, позволяющие ответить на вопрос о том, насколько человек религиозен в целом. Поскольку многие проявления религиозности оказываются в значительной степени связаны (скоррелированы) и образуют единый феномен, показатели данного уровня оказываются полезными в анализе при исследовании «религиозного фактора в целом» [17, р. 48]. На общем уровне мы определяем степень религиозности по ответам на вопрос о важности Бога в жизни респондента (вопрос задавался по десятибалльной шкале)³.

Второй уровень иерархии — это функциональная религиозность: «Люди проявляют огромное разнообразие в том, как именно они переживают религиозную (и духовную) действительность, в мотивах, определяющих их религиозность, в способах использования собственной религиозности для решения проблем, встающих перед ними. Этот более низкий функциональный уровень ... полезен для предсказания более частных переменных...» [17, р. 48]. Меры функциональной религиозности включают в наш случай следующие измерения: самоидентификация с определенным вероисповеданием, верования (вера в Бога, в жизнь после смерти, в рай и ад) и практики (частота посещения религиозных служб и частота молитвы). Однако остается

³ Данный показатель, как максимально универсальный, рекомендуют использовать для анализа религиозности Р. Инглхарт и П. Норрис [18]. Еще более универсальным является вопрос о важности религии в жизни человека, особенно когда речь идет об изучении религий, в которых отсутствует Бог. Однако в выборке Европейского исследования ценностей представлены в основном христианство и ислам, поэтому данный аспект оказывается не так важен, поэтому мы остановились на использовании вопроса о важности Бога в жизни респондента, ответы на который были приведены к формату от «0» — «совсем не важен» до «1» — «очень важен».

открытым вопросом — как использовать эти несколько измерений религиозности для построения моделей. Одним из подходов к решению данной проблемы может быть выделение нескольких групп по совокупности различных показателей религиозности. Мы провели кластерный анализ (методом *k*-средних), который позволил построить сегментацию населения по степени и формам религиозности в 46 европейских странах. Значения всех исходных переменных были приведены к формату от «0» до «1»⁴. Из массива данных, используемого для кластерного анализа, были исключены респонденты (6623 чел.), которые затруднились ответить на 3 или более вопроса, послуживших основанием для кластеризации. Эти респонденты анализируются как отдельная группа («неопределившиеся»). При помощи кластерного анализа⁵ были получены шесть групп, характеристики (центры) которых представлены в таблице 1. Кластеризация проводилась независимо от страны проживания респондента, на основе всего массива данных Европейского исследования ценностей 2008 года. Таким образом, мы получили несколько групп, каждая из которых в той или иной степени представлена в каждой стране⁶ и в рамках разных вероисповеданий⁷.

⁴ Самоидентификация респондента с какой-либо с деноминацией и переменные, отвечающие верованиям, приводились к дихотомическому формату (1 — «да» / 0 — «нет»). Переменные, отвечающие за частоту молитвы и частоту посещения религиозных служб, были переведены в частоту в год (каждая категория частоты была заменена средним количеством в год), а затем приведены в рамки интервала от «0» до «1».

⁵ Использовалось попарное удаление пропущенных данных, что позволило включить в анализ респондентов, затруднившихся ответить на незначительное число вопросов (1 или 2).

⁶ Можно выделить несколько групп стран, а именно: нерелигиозные Восточная Германия, Эстония, Чехия; высокорелигиозные Турция, Сев. Ирландия, Сев. Кипр, Косово, Азербайджан и некоторые другие. Также выделяется группа стран с высокой долей новых форм религиозности — веры без принадлежности к какой-либо определенной деноминации и высокой долей идентифицирующих себя с определенной деноминацией, но лишь формально: Дания, Швеция, Норвегия, Люксембург, западная Германия. В России доля нетрадиционных форм религиозности, по нашим результатам, относительно низка (в сумме по двум группам составляет 6%). Тем не менее, высока доля неопределившихся — 20% затруднились ответить на три или более из указанных вопросов. Хотя многие представители данной группы относят себя к православному вероисповеданию, они затруднились указать, во что именно они верят.

⁷ В частности, такой подход рекомендуют использовать при исследовании базовых ценностей европейцев В.С. Магун и М.Г. Руднев [2; 3].

Таблица 1

Сегментация по степени религиозности. Центры кластеров

Переменные	Кластеры					
	нерелигиозные	формально принадлежащие неверяющие	верующие без принадлежности	слаборелигиозные	среднерелигиозные	религиозные
самоидентификация с вероисповеданием	0	1	0,2	1	0,9	1
вера в Бога	0,2	0	0,5	1	1	1
вера в жизнь после смерти	0	0	1	0,3	0	1
вера в ад	0	0	0	0	0,6	0,9
вера в рай	0	0	0,2	0	1	1
молитва (помимо церковных служб)	0,08	0,09	0,23	0,49	0,62	0,78

Нерелигиозные респонденты не идентифицируют себя с каким-либо вероисповеданием, практически не молятся и не посещают религиозные службы, не верят в рай, ад и жизнь после смерти (хотя 20% из них верят в Бога). Слабо- средне- и религиозные респонденты принадлежат к определенному вероисповеданию и верят в Бога. Различаются указанные три группы по другим верованиям и интенсивности религиозных практик. Для целей дальнейшего анализа группа, характеризующаяся наибольшей степенью религиозности, была разделена на две части с выделением ядра — очень религиозных респондентов (11858 чел.) по следующим жестко заданным критериям: принадлежность к определенному вероисповеданию, вера в Бога и посещение религиозных служб один раз в неделю или чаще.

Также были выделены две специфические группы, в религиозности которых прослеживается разного рода несогласованность: во-первых, верующие без принадлежности к деноминации (респонденты, верящие в жизнь после смерти, половина из них также верит в Бога, 20% — в рай, однако большинство из них не принадлежат ни к какой религиозной деноминации) и, во-вторых, лишь формально принадлежащие к определенному вероисповеданию (при этом не верящие ни в Бога, ни в жизнь после смерти, ни в рай, ни в ад, редко посещающие религиозные службы и молящиеся).

Религиозность и толерантность к осуждаемым религией формам поведения

С целью установить характеристики связи между религиозностью и толерантностью к осуждаемым религией формам поведения, на первом этапе анализа осуществлялось построение ряда линейных регрессий на индивидуальном уровне (таблица 2) с выравниванием ряда других переменных (группа, к которой относится страна проживания респондента, социально-демографические показатели и вероисповедание)⁸. В рамках всего массива данных фиксируется слабая связь религиозности и толерантности к осуждаемым религией формам поведения (при построении простой линейной регрессии на уровне индивидов $R^2=0,17$), при включении в модель страны проживания или вероисповедания и некоторых социально-демографических характеристик R^2 повышается до 0,34.

Результаты анализа позволяют увидеть интересный эффект: в целом, с повышением уровня религиозности снижается толерантность к осуждаемым религией формам поведения, но только в том случае, если религиозность представляет собой внутренне непротиворечивый феномен. В двух группах, характеризующихся противоречиями или несоответствием в разных измерениях религиозности (самоидентификация, вера и практики), толерантность к нарушению предписываемых религией социальных норм даже выше, чем в группе нерелигиозных европейцев. Этот эффект остается стабильным при включении ряда контрольных переменных и ослабевает лишь когда мы включаем в модель страну проживания респондента.

Страна проживания респондента оказывается одной из наиболее важных переменных в полученных регрессионных моделях, поэтому мы задаемся вопросом: чем обусловлены межстрановые различия? Для того чтобы ответить на данный вопрос, мы переходим к показателю общей религиозности (важность Бога в жизни респондента) и

⁸ Мы не включаем в одну модель одновременно страну проживания и вероисповедание респондента, поскольку эти две переменные в значительной степени связаны друг с другом. Мы также не включаем в модели на данном этапе показатель первичной религиозной социализации, поскольку она в значительной мере определяет уровень религиозности во взрослом возрасте, а также, в силу культурных и исторических особенностей, имеет заметную связь со страной проживания. Среди социально-демографических факторов мы выделяем два наиболее сильно связанных с отношением к социальным нормам, а именно — возраст и уровень образования. Включение в анализ других социально-демографических переменных не дало существенного прироста качества модели и не изменило результаты по основным переменным.

попытаемся проанализировать более общие закономерности, в соответствии с которыми изменяется сила связи между религиозностью населения и толерантностью к формам поведения, осуждаемым религией.

Таблица 2

Коэффициенты (b) в линейных регрессионных моделях на уровне индивидов⁹

Переменные	Модели				
	1	2	3	4	5
константа	0,43**	0,88**	0,83**	0,47**	0,52**
верующие без принадлежности	0,33**	0,15**	0,12**	0,28**	0,24**
формально принадлежащие неверующие	0,28**	0,00 (n.s.)	0,01 (n.s.)	0,25**	0,23**
слаборелигиозные	-0,27**	-0,27**	-0,26**	-0,09**	-0,08**
неопределившиеся	-0,41**	-0,30**	-0,29**	-0,24**	-0,25**
среднерелигиозные	-0,48**	-0,42**	-0,39**	-0,30**	-0,28**
религиозные	-0,69**	-0,60**	-0,59**	-0,37**	-0,37**
очень религиозные	-0,94**	-0,86**	-0,79**	-0,73**	-0,66**
скандинавские страны		0,32**	0,26**		
средиземноморские страны		-0,59**	-0,53**		
постсоветские страны		-0,84**	-0,92**		
другие постсоциалистические страны		-0,67**	-0,69**		
возраст			-0,006**		-0,007**
уровень образования			0,61**		0,48**
католицизм				-0,09**	-0,05**
протестантизм				0,29**	0,32**
ислам				-0,80**	-0,81**
православие				-0,55**	-0,55**
другие вероисповедания				-0,17**	-0,16**
R ²	0,17	0,30	0,34	0,26	0,30

**p<0,001

⁹ Исключенные категории дамми-переменных: для религиозности — нерелигиозные респонденты, для страны проживания — Западноевропейские страны, для вероисповедания — отсутствие вероисповедания.

Фактор первичной религиозной социализации

Мы полагаем, что характер указанной взаимосвязи в значительной степени зависит от наличия или отсутствия первичной религиозной социализации [9]. Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. Под первичной религиозной социализацией мы понимаем религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — приход к вере (и соответствующие практики) в более позднем возрасте. Мы считаем, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное влияние на формирование приверженности нормам и толерантности к их нарушению. В случае отсутствия первичной религиозной социализации приверженность нормам успеет сформироваться раньше религиозности. Поскольку именно первичная социализация оказывает наиболее значимое влияние на формирование норм и ценностей, мы рассматриваем ее как фактор, объясняющий отсутствие (или очень слабую) связь между религиозностью и ценностями в пост-социалистических странах, где ранняя религиозная социализация практически отсутствовала, и массовое обращение населения к религии в последние десятилетия не повлекло соответствующего изменения ценностей и норм.

В качестве индикатора для оценки получения респондентом первичной религиозной социализации мы выбираем посещение религиозных служб 1 раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет. На уровне страны он измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще. Мы показываем, что данный фактор оказывает существенное влияние в качестве макропоказателя (странового уровня), т.е. является важной характеристикой социальной среды, в которой протекала общая первичная (не обязательно религиозная) социализация респондента¹⁰. В этом смысле

¹⁰ Достаточно хорошо изучен вопрос о том, как первичная религиозная социализация влияет на религиозность в более позднем возрасте на уровне индивида, и, как следствие, на динамику религиозности населения (напр. [20; 22; 23]), поэтому в данной работе мы подробно не останавливаемся на данном аспекте. Исследования показали, что наличие в прошлом первичной религиозной социализации повышает частоту религиозных практик (в частности, частоту посещения религиозных служб) в настоящем. В связи с этим, в данной работе мы не используем показатель первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне, поскольку включение его в модель одновременно с религиозностью респондента в настоящем, могло вызвать проблемы, связанные с мультиколлинеарностью.

данный показатель оказывается индикатором степени секуляризации общества и смыкается с понятием «диффузной религии», введенным Р. Чиприани [10]. Анализируя религиозную ситуацию в Италии, Чиприани приходит к выводу, что, несмотря на снижение церковной религиозности (которую можно, например, фиксировать по частоте посещения религиозных служб), религия как бы пропитывает все сферы жизни итальянского общества и продолжает играть важную роль в формировании определенного ценностного фона и ориентиров для действия. Для описания такой ситуации Чиприани вводит понятие «диффузная религия», которое, по словам автора, «относится к гражданам, которые ... далеко не полностью покорны предписаниям Католической иерархии, но которые, с другой стороны, отказываются полностью отвергать определенные базовые принципы, представляющие собой часть системы ценностей, поддерживаемой католицизмом» [10, р. 28]. Религиозность такого рода представляет собой феномен, слабо поддающийся прямому измерению, поскольку «выражается не в привычной религии в рамках Церкви, а в непрерывной переориентации установок и поведения в связи с различными обстоятельствами повседневной жизни: моральными, политическими, экономическими или юридическими» [10, р. 29].

В ряде стран связь между религиозностью и приверженностью предписываемым религией нормам (см. рис. 1) довольно сильна, например, в средиземноморских и западноевропейских странах (так, коэффициент корреляции Пирсона между толерантностью к нарушению предписываемых религией социальных норм и религиозностью равен -0,51 в Испании, -0,49 в Италии и Нидерландах, -0,42 в Швейцарии).

Здесь же мы наблюдаем и более высокий уровень первичной религиозной социализации: высока доля опрошенных, посещавших религиозные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет. В то же время, в некоторых странах (в первую очередь — это постсоциалистические страны) связь религиозности и толерантности оказывается значительно более слабой (например, в России — всего -0,08). Здесь же мы наблюдаем и наиболее низкий уровень религиозной социализации (в России он минимален и составляет всего 6%).

На следующем этапе анализа был построен ряд многоуровневых регрессионных моделей (см. табл. 3), в которых уровень первичной религиозной социализации (измеренный как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще) мы использовали в качестве странового макропоказателя.

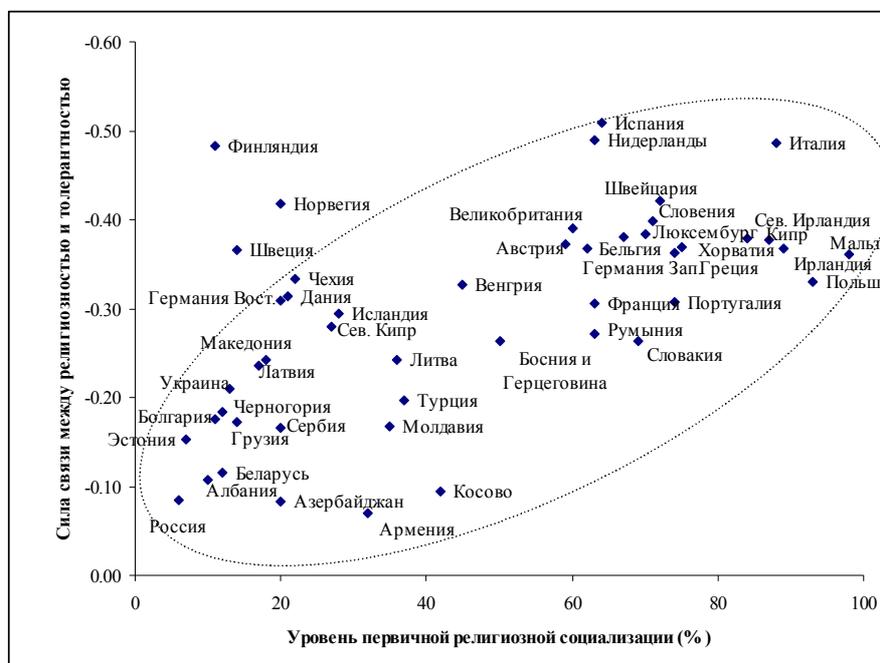

Рис. 1. Сила связи между толерантностью к осуждаемым религией формам поведения и религиозностью в зависимости от уровня первичной религиозной социализации в стране¹¹

В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности и толерантности имеет более пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем социализации (куда вошли в основном средиземноморские страны, а также Польша и Ирландия) форма зависимости — более крутая. Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем большее влияние религиозность оказывает на толерантность к формам поведения, которые осуждаются религией.

Если рассмотреть первую модель (без контрольных переменных), то значение коэффициента b , отражающего крутизну угла наклона регрессионной прямой (см. рис. 2), изменяется в пределах от $-0,49$ для минимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке такой страной является Россия, где всего 6% населения посещали церковные службы раз в месяц или

¹¹ По оси Y — значение коэффициента корреляции Пирсона между религиозностью и толерантностью к осуждаемым религией формам поведения. Все коэффициенты, даже наиболее близкие к нулю, значимы на уровне $p \leq 0,001$.

чаще в возрасте 12 лет) до -1,25 для максимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке таким государством является Мальта с 98% населения, посещавшего церковные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет)¹².

Таблица 3

Многоуровневая регрессионная модель (коэффициент b)¹³

Переменные	Модели	
	1	2
Константа	0,23	0,36***
уровень первичной религиозной социализации	0,63*	0,083*
Важность Бога	-0,44***	-0,11***
уровень первичной религиозной социализации * Важность Бога	-0,82***	-0,12***
Несогласованность индивидуальной религиозности		0,014**
Пол		-0,011***
Возраст		-0,0017***
Уровень образования		0,11***
Уровень дохода		0,069***
Число респондентов (уровень индивидов)	56567	46898
R ² — уровень индивидов	0,19	0,26
Число регионов (стран)	48	48
R ² — уровень стран	0,36	0,45

***p<=0,001; **p<=0,01; *p<=0,05.

Введение таких контрольных переменных, как пол, возраст, образование и доход, не изменило указанный результат. В модель с контрольными переменными также был включен немного упрощенный показатель несогласованности индивидуальной религиозности¹⁴, ре-

¹² В модели с контрольными переменными (Модель 2) угол наклона регрессионной прямой изменяется в пределах от -0,11 (что соответствует минимальному уровню религиозной социализации в стране) до -0,23 (что соответствует максимальному уровню религиозной социализации в стране).

¹³ Расчеты проводились при помощи программы HLM 7 (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling). Метод: Restricted Maximum Likelihood; Cross-Level-Interaction Model. Сходимость: Модель 1 — 7 итераций, Модель 2 — 18 итераций. Псевдо-R² для двухуровневых регрессионных моделей рассчитан по упрощенной формуле Снайдерса и Боскера [21]. Пропущенные данные удалялись. Данные на индивидуальном уровне взвешивались таким образом, чтобы выровнять количество опрошенных в разных странах.

¹⁴ Данный показатель принимает значение «1» в случае, если респондент относит себя к определенному вероисповеданию, но не верит в Бога, либо верит в Бога, но не относит себя ни к какому вероисповеданию. Значение «0» показатель несогласованности принимал в случае, если вера и самоидентификация либо одновременно присутствовали, либо одновременно отсутствовали.

зультаты по которому совпадают с выводами, сделанными ранее: несогласованность феномена индивидуальной религиозности, помимо уровня личной религиозности, оказывается важным фактором, определяющим отношение к формам поведения, осуждаемым религией.

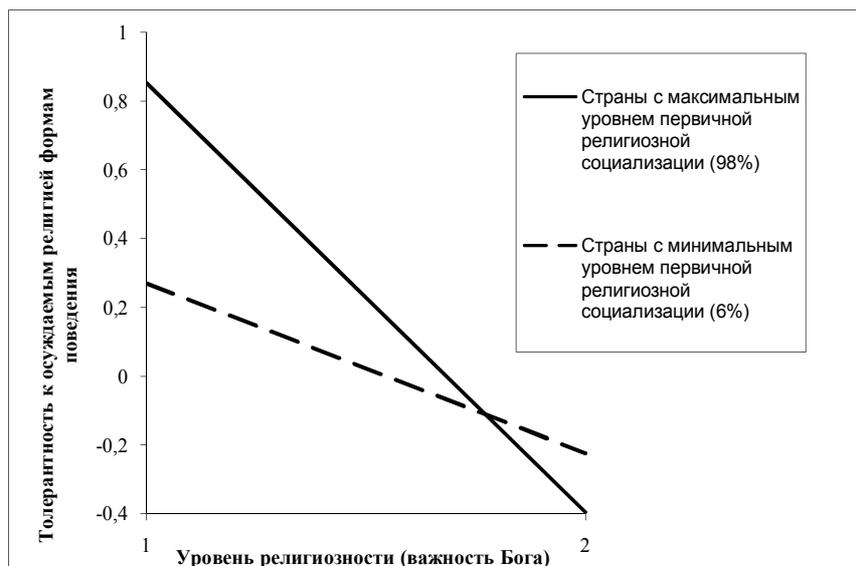

Рис. 2. Границы, в которых изменяется угол наклона регрессионной прямой в зависимости от уровня первичной религиозной социализации (Модель 1)

Заключение

В заключение упомянем некоторые ограничения данной работы. За рамками нашего анализа остаются такие механизмы религиозной социализации, как религиозное образование в средней школе и другие религиозные практики, помимо посещения служб (например, чтение священных текстов и участие в таинствах), а также вопрос о возможном обратном направлении связи — влиянии ценностей на религиозность, или ее отсутствие. Другим ограничением для наших выводов является возможное присутствие третьей переменной, оказывающей влияние одновременно на формирование ценностей и на посещение религиозных служб в детстве, а именно — традиционные ценности родителей, передаваемые детям.

Подводя итоги, необходимо отметить два ключевых результата нашего анализа. Во-первых, когда мы говорим о том, какие ценностно-нормативные следствия может иметь религиозность человека, необходимо учитывать не только степень / уровень религиозности, но и ее качественные характеристики, среди которых выделяется согласованность. В данной работе мы показали, что несогласованность

феномена религиозности может быть важным показателем, определяющим влияние религиозности на установки, ценности и практики, и должна, наряду с другими показателями религиозности, включаться в социологический анализ.

Во-вторых, прогнозируя возможные сценарии изменения норм или ценностей в той или иной стране в связи с усилением / ослаблением роли религии, необходимо принимать во внимание социальные механизмы, посредством которых реализуется влияние религии на нормы и ценности. Так, например, при изменении уровня религиозности населения, мы скорее будем ожидать существенные ценностные сдвиги лишь во втором поколении, которое проходит первичную социализацию в ситуации изменившегося места религии в общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забаяев И.В.* Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: социологический анализ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
2. *Магун В.С., Руднев М.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 5–22.
3. *Магун В.С., Руднев М.* Базовые ценности россиян в европейском контексте (окончание) // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 5–17.
4. *Синелина Ю.Ю.* Динамика процесса воцерковления православных // *Социологические исследования*. 2006. № 11. С. 89–97.
5. *Снеговая М.С.* Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов (на примере Украины). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. экон. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
6. *Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
7. *Allport G.W., Ross J.M.* Personal Religious Orientation and Prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. Vol. 5. No. 4. P. 432–443.
8. *Billiet J., Meuleman B.* Religious Diversity in Europe and its Relation to Social Attitudes and Values Orientations // *ESSHRA Conference “Citizenship and Cultural Identities in the EU: Old Questions, new Answers” Proceedings*, Istanbul. 2007. P. 83–104.
9. *Chaves M.* Rain Dances in the Dry Season: Overcoming the Religious Congruence Fallacy // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2010. Vol. 49. No. 1. P. 1–14.
10. *Chipriani R.* “Diffused Religion” and New Values in Italy // *The Changing Face of Religion* / Ed. by J.A. Beckford, T. Luckmann. London, Newbury Park, New Delhi: Sage Publications, 1988. P. 24–48.
11. *Durkheim E.* *The Elementary Forms of the Religious Life*. London: George Allen and Unwin Ltd., 1964.

12. *Faulkner J.E., de Jong G.F.* Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis // *Social Forces*. 1966. Vol. 45. No. 2. P. 246–254.
13. *Fichter J.H.* Sociological Measurement of Religiosity // *Review of Religious Research*. 1969. Vol. 10. No. 3. P. 169–177.
14. *Fukuyama Y.* The Major Dimensions of Church Membership // *Review of Religious Research* [Effective City Church Study]. 1961. Vol. 2. No. 4. P. 154–161.
15. *Glock Ch.Y.* On the Study of Religious Commitment // *Religious Education*. 1962. Vol. 57. Supplement 4. P. 98–110.
16. *Glock Ch.Y., Stark R.* *American Piety: The Nature of Religious Commitment*. Berkeley: University of California Press, 1968.
17. *Hill P.C.* Measurement in the Psychology of Religion and Spirituality // *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality* / Ed. by Paloutzian R.F., Park C.L. New York, London: Guilford Press, 2005. P. 43–61.
18. *Inglehart R., Norris P.* *Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
19. *Meulemann H.* Religiosity in Europe and in the two Germanies: The persistence of a special case — as revealed by the European Social Survey // *Church and Religion in Contemporary Europe. Results from Empirical and Comparative Research* / Ed. by G. Pickel, O. Muller. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. P. 35–63.
20. *Ruiter S., Tubergen F. van* Religious Attendance in Cross-National Perspective: A Multilevel Analysis of 60 Countries // *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 115. No. 3. P. 863–895.
21. *Snijders T.A.B., Bosker R.J.* Modeled Variance in Two-Level Models // *Sociological Methods and Research*. 1994. Vol. 22. No. 3. P. 342–363.
22. *Vaidyanathan B.* Religious Resources or Differential Returns? Early Religious Socialization and Declining Attendance in Emerging Adulthood // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2011. Vol. 50. No. 2. P. 366–387.
23. *Vermeer P., Janssen J., Hart J.* Religious Socialization and Church Attendance in the Netherlands from 1983 to 2007: a Panel Study // *Social Compass*. 2011. Vol. 58. No. 3. P. 373–392.